

ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Правда для правды, а не для красоты!
(Фёдор Достоевский)

ИМЕЕТСЯ ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: ДАННОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ (16+)

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Пермской краевой общественной организации Союза писателей России
при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края

№ 4 (10)
22 ноября 2013 года

[литературные вести]

■ ЮБИЛЕИ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

В конце октября и начале ноября сразу три писателя Прикамья — известные, уважаемые, значимые для нашего края и России — отметили свои дни рождения, сиречь, юбилеи.

25 октября 1938 года в селе Пижанка Кировской области родилась Ирина Петровна ХРИСТОЛЮБОВА — член Союза писателей СССР/ России (1989), член Союза журналистов России (1962), лауреат Пермской областной премии в сфере культуры и искусства (1996), кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Получив филологическое образование в Пермском государственном университете, Ирина Петровна работала в редакциях пермских газет, на областной студии

ТВ. Её произведения публиковались (с 1957 года) в различных советских и российских сборниках, альманахах, журналах, газетах, в японском журнале «Рокуэн-но Иомимомо Токусю». Ирина Петровна — обладатель приза Алма-Атинского фестиваля телефильмов (за сценарий мультфильма «Потя и Потиха»), автор книг «Загадочная личность», «Колокольчики мои», «Топало» (в 2011 году книга стала губернаторским подарком первокурсникам Пермского края), «Дом, который нельзя забыть».

31 октября 1938 года в Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге) родился Дмитрий Гилелович РИЗОВ — член Союза писателей России (1990), лауреат Пермской областной премии в сфере культуры и искусства. Получив техническое образование в Бугурусланском нефтепромышленном техникуме, Дмитрий Гилелович работал на нефтепромысле, позднее — в редакциях пермских газет. Его произведения публиковались в различных уральских сборниках, альманахах, журналах, газетах. Дмитрий Гилелович — автор книг «Земля, которую я люблю», «Крапивные острова», «Ловцы», «Невесь», «Рёбра России», «Я ухожу».

7 ноября 1948 года в Соликамске Молотовской области (ныне Пермского края) родился Сергей Васильевич ТРУШНИКОВ — член Союза писателей России (2006), член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ, кавалер ордена Достоевского I степени (2012), лауреат международных, российских, областных журналистских премий и конкурсов. Получив высшее образование, Сергей Васильевич посвятил свою трудовую жизнь журналистике, пройдя путь от собкора до главного редактора краевой газеты «Звезда». Его произведения публиковались в различных российских сборниках, альманахах, журналах и газетах. Сергей Васильевич — автор книг «Записки оккупанта», «Локальный сбой», «Уксунь и её обитатели».

Друзья, коллеги и читатели поздравляют дорогих писателей со славными датами и желают им здоровья и творческих успехов!

■ ПИСЬМО ДРУГУ

Дорогой Дима! С чувством искреннего уважения и признательности поздравляю тебя с 75-летием — юбилеем творческой, талантливой мудрости!

...На фоне нынешнего состояния российской культуры твои умные писательские слова, изумительные строки — кладёшь житейской мудрости и целительный источник. Ты обжигаешь, бередишь сердце и ум, вызываешь душевные переживания.

В сегодняшней России — «непогода». Но, её, в конце концов, сменят светлые и ясные дни. И ты своей жизнью и творчеством это подтверждаешь.

Здоровья, тепла и уюта тебе и твоей семье!

Анатолий Соболев
31 октября 2013 года

■ ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

ЕЩЁ ОДНО ВОЗВРАЩЕНИЕ КУЗЬМИНА

Лев Иванович Кузьмин, замечательный детский писатель, чьё имя известно далеко за пределами Перми и России, ушёл из жизни в 2000 году.

Он оставил нам чудесное наследство — стихи, рассказы, сказки... — на языке русском, на языке английском, а ещё испанском, немецком, французском и японском: где только не выходили в свет книги Кузьмина! Но не это удивительно. Удивительно, что, покинув нас, Лев Иванович каждый год возвращается в Пермь.

Он возвращался сюда именем, которое в 2000 году присвоили Пермской краевой детской библиотеке, вернулся музеем, открывшемся в 2001 году в той же краевой библиотеке — теперь Кузьминке, книгами, которые выходили в рамках проекта «Губернаторский подарок первокурсникам Пермской области/ края», а ещё годом Кузьмина и ежегодными (теперь уже) «Кузьминскими чтениями».

И вот — ещё одно возвращение. Оно состоялось 1 ноября текущего года. На доме (Пермь, ул. Луначарского, 94), где жил (1976–2000) самый добрый писатель Прикамья, появилась памятная доска. И с неё глядит на нас, на ожидающую зимы Пермь, он — Лев Иванович Кузьмин.

Церемония открытия доски прошла в окружении тех, кто знал писателя лично, и тех, кто знаком со Львом Ивановичем только через его произведения. Среди последних — юные учащиеся Пермского кадетского корпуса имени генералиссимуса А. А. Суворова (они читали стихи Л. И. Кузьмина). Среди первых — председатель Пермской краевой организации Союза писателей России В. В. Якушев, представители библиотек («Кузьминки», краевой универсальной — имени А. М. Горького, Центральной городской — имени А. С. Пушкина, библиотеки № 16), сотрудники Пермского театра кукол...

Церемонию вёл глава инициативной группы жителей дома Алексей Акименко, именно он представил тех, благодаря кому памятная доска заняла своё место: Администрация города Перми, депутат Законодательного Собрания Пермского края В. Н. Данилин, директор Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского А. Е. Пичкалёв, жители дома. А открыл памятную доску сын писателя — Андрей Львович Кузьмин.

С очередным возвращением Вас в Пермь, Лев Иванович!

Почтить память А. И. Кузьмина пришли родственники, писатели, артисты, библиотекари, дети

■ СЛОВО РОССИИ

Марина СТРУКОВА,
Союз писателей России,
г. Москва

ПЕСНИ РОССИИ

Красные ягоды, листья узорные,
белые хаты и пашенки чёрные,
реки бескрайние и полноводные...
Здесь и рождаются песни народные.

В них богатырская удаль былинная,
и каторжанская вольность звериная,
и скomorошья насмешка простецкая,
девичья грусть, похвальба молодецкая.

...Вечером звёзды горят небывалые,
люди сидят на крыльчиках усталые,
и с подголосками и переливами
песня плывёт над осенними нивами.

Падают вниз на дороженьки сорные
красные ягоды, листья узорные.
Скоро придут холода неминуемые,
поразугуляются вьюги колючие.

Ах, до чего же ты, песня, печальная,
невесела была Русь изначальная,
да и сегодня терзается, плачется,
песню придумает, в песне упрячется,
словно в бездолии и непогодине
Родины нет, кроме песни о Родине.

■ СОБЫТИЕ

НА МЕСТЕ ВЕКА ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО...

Ноябрь для Перми — месяц значимый для литераторов и, вообще, людей культуры и искусства, а также тех, кто помнит и ценит уроки истории. Он насыщен различными событиями.

Одно из них — всероссийского масштаба — загодя было вписано в планы Пермского Дома учителя (Пермь, ул. Сибирская, 12): 22 ноября 2013 года — «На месте века двадцать первого...» Что обозначено в программе? Естественно, итоги — о них слово председателю Пермской краевой организации Союза писателей России В. В. Якушеву. Помимо итогов — презентации: очередного выпуска альманаха «Литературная Пермь» и очередного же номера газеты «Пермский писатель». Что ещё? Ещё — третье по счёту награждение орденами Достоевского (решение о награждении на стр. 4). Ещё? Ещё проект «Пермская воока» и серия «АПЛ»...

Кто не успел или опоздал — за информацией обращайтесь в Пермскую краевую организацию Союза писателей России: Пермь, ул. Сибирская, 30.

■ ОТКЛИК

Галина ЧУДИНОВА,
кандидат филологических
наук, г. Пермь

ПОЭТИКА ВОСПОМИНАНИЙ

Проблема сбережения памяти стала стержневой в объединённом 12-м и 13-м выпусках альманаха «Литературная Пермь». Это память о событиях и людях минувших исторических эпох и о наших современниках, бережно сохранившая пермскими писателями.

Как всегда, в альманахе обширен, тематически и жанрово многообразен раздел поэзии. Но из всего этого многообразия хотелось бы сразу выделить цикл стихов Анатолия Гребнева «Крестьянский Сократ», лучшее из которых посвящено памяти выдающегося русского писателя XX века Василия Белова. Несмотря на всю горечь и боль утраты, стихотворение заканчивается на оптимистической ноте:

А следом друзья и собратья,
Покинув небесный приют,
Могучей несломленной ратью
Незримой дружиной встают.

Новая подборка стихов Валентины Телегиной «Связь» посвящена памяти недавно ушедшего из жизни поэта Валерия Возженникова. Её лирика скреплена живой связью времён. На не-

ожиданную и драматическую кончину Валерия откликнулся и поэт Фёдор Востриков, чьи стихи «Родина», «Сыны Бородино» полны глубинных исторических ассоциаций.

Отрадно, что в «Литературной Перми» представлены не только известные всему Пермскому краю поэты (Игорь Тюленев, Алексей Мальцев, Николай Глумов, Владимир Якушев), но и молодые дарования – те, кто занимается в литературной студии «Тропа» при Пермском городском Дворце творчества юных: Ангелина Попова, Евгений Макаров, Ксения Ибрагимова и другие.

Читателей, несомненно, затронут за живое короткие, но проникновенные воспоминания «Из рассказов Нины Георгиевны за круглым столом», объединённые писателем Виталием Богомоловым в единый цикл под названием «Голубой сахар». Истории взлёта человечности, подлинной интеллигентности, профессионализма: «Девушка на лестнице», «Классная дама», «Операция без наркоза» и, наряду с этим, подлости, вероломства, преступности – «Голубой сахар» – читаются на едином дыхании, запоминаются надолго.

В моей повести «Такова аспирантская жизнь» советская эпоха дана в восприятии обычной рядовой аспирантки из маленького провинциального городка. Восприятие это неоднозначно: в нём угадываются свои позитивные и негативные моменты эпохи, которые будут интересны читателям.

Новыми художественными находками порадовала «Пермская Бука», продолжающая лучшие традиции краевой детской литературы. Творчество Ан-

дрея Зеленина, Светланы Эст, Татьяны Левановой, Ирины Рычковой, Николая Трухонина, Татьяны Заостровской, Леонида Копко достойно для издания их светлых, жизнерадостных, а порой трагикомических рассказов и сказок отдельной книгой.

На мой взгляд, в альманахе неоправданно много страниц отдано авторам из других городов и областей, пусть и талантливым, и широко известным. Не лучше ли было бы предоставить журнальные полосы молодым, начинающим и подающим надежды авторам, которым необходимо публиковаться, заявлять о себе?

«Часть третья» альманаха – критика и литературные мемуары – заслуживает особого внимания и самого вдумчивого прочтения. Статья доцента ПГПУ Владимира Зубкова «От человека к природе и обратно» посвящена анализу прозы рано умершего талантливого писателя Михаила Голубкова, чья жизнь и творчество были неразрывно связаны с Уралом, и чья работа в художественной литературе постоянно проходила под дружеским взглядом Виктора Астафьева. В центре прозы М. Голубкова, как справедливо отметил В. Зубков, оказываются взаимоотношения человека и природы, разлад с природой ведёт к утрате человеческого в человеке.

Мемуары Ивана Гурина «Совесть болящая» воссоздают лучшие страницы творчества трагически погибшего пермского писателя и поэта Николая Кинёва и сам его неповторимый облик. Интересны «Воспоминания об отце» Ильи Домнина и редакционный материал, посвящённый известному пермскому Авениру Донатовичу Кра-

шенинникову, которому в 2013 году исполнилось бы 80 лет.

Подлинным шедевром в данном разделе стали отрывки из документальной повести Михаила Давидова «Лермонтов и Мартынов: трагическое противостояние». Автором их явился кандидат медицинских наук, доцент Пермской государственной медицинской академии, который уже более тридцати пяти лет изучает историю отечественной литературы и делает это на столь высоком профессиональном уровне, что я, филолог по образованию, читая его отрывки, сделала для себя немало открытий. Под пером Михаила Давидова до мельчайших подробностей воссозданы события трагического дня 15/27 июля 1841 года у подножья Машука: отказ поэта от выстрела и чувство полной безопасности и безнаказанности, овладевшее Николаем Мартыновым, который, по существу, хладнокровно убил Михаила Лермонтова.

Поэтика воспоминаний пронизывает страницы альманаха, делая их истину незабываемыми.

В талантливом, выполненном с подлинно художественным вкусом оформлении журнала приняли участие художники Игорь Одинцов, Марина Витмановская, Рустам Исмагилов. Искренне жаль, что журнальный тираж составил всего-навсего двести экземпляров, почти в три раза меньше, нежели предыдущие выпуски, но это вина не Союза писателей, а местных властей. Альманаху суждено стать библиографической редкостью, тем большую радость доставит он своим читателям – любителям и ценителям пермской литературы.

■ ПРОЕКТ ПИСАТЕЛЯ

Иван ГУРИН,
Союз писателей России,
г. Пермь

КУБОК – ЗА ВДОХНОВЕНИЕ

В Санкт-Петербурге прошел Всероссийский гражданский жилищный форум, посвящённый проблемам реализации проектов, связанных с рынком недвижимости. Проект пермского писателя Алексея Дубровина «Спешиловские чтения» получил высокую оценку российской общественности.

В рамках этого форума, в котором приняли участие свыше 1500 человек со всех концов страны, состоялся фестиваль «Вдохновение–2013». Среди них и был пермский писатель, преподаватель института «Высшая школа недвижимости» Алексей Дубровин.

Кроме материалов, связанных с недвижимостью, Алексей Александрович представил свои книги, а также отчёт о литературных Спешиловских чтениях, ежегодно проводимых им в Очёрском муниципальном районе Пермского края.

Организационный комитет Форума во главе с Вероникой Панковой, директором одного из риэлторских агентств в Москве, отметил специальной премией рынка недвижимости «Во имя добра» заслуги Алексея Дубровина в проведение литературных встреч с населением и пропаганде пермской литературы. Ему также вручён кубок «Вдохновение–2013» с надписью: «Выражаем благодарность за реализацию общественно-значимых проектов, высокую социальную ответственность, весомый вклад в развитие благотворительности».

С этими наградами Алексея Дубровина поздравили многие питерцы, москвичи и пермяки. В частности, известный певец Сергей Захаров, ректор института «Высшая школа недвижимости» Вячеслав Пермяков, кандидат исторических наук Михаил Нечаев.

Работая над рукописями новых книг, Алексей Дубровин продолжает творческие встречи с читателями Пермского края.

■ КНИЖНАЯ ЛАВКА

**ЛЮБИ И ЗНАЙ
СВОЙ КРАЙ РОДНОЙ...**

В рамках проекта «Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru) при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края вышла в свет новая книга пермского детского писателя А. С. Зеленина «Пермь и Пермский край: занимательное краеведение». Это уже второе издание книги – переработанное и дополненное (первое издание было в 2009 году).

Андрей Сергеевич Зеленин в очередной раз показал себя не только детским писателем, но и краеведом, обладающим педагогическим талантом. Книга, предназначенная в первую очередь детям 6–11 лет, рекомендована Пермским государственным гуманитарно-педагогическим университетом и может быть использована в качестве учебного пособия. На страницах книги – информация об основных исторических событиях, выдающихся людях, памятниках культуры и географических особенностях Перми и Пермского края.

Анна СНЕГИНА

Спешиловские чтения.
Пермский край, г Очёр,
6 апреля 2013 года.
За столом А. А. Дубровин

■ БАЗАПА

Галина ЧУДИНОВА,
кандидат филологических
наук, г. Пермь

Владимир ЯКУШЕВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

БЛЕСК И НИЩЕТА АНТОЛОГИИ

Как-то в конце минувшего лета, ненадолго заглянув в пермское отделение Союза писателей России, увидела я на столе председателя правления Владимира Якушева две великолепно изданные книги. На корочках каждой из них был логотип с надписью «Антология пермской литературы». В одном томе была опубликована провинциальная идиллия Владимира Соколовского «Уникум Потеряева», а в другом – роман-расследование Юрия Асланьяна «Дети победителей». Нельзя было не восхищаться этими прекрасными подарочными изданиями, только вот тираж каждой из книг был всего-навсего сто экземпляров. Капля в море для нашего Пермского края!

– Как возникла идея создания антологии? – спросила я у Владимира Викторовича.

– Уже двадцать лет, – ответил он, – существует хаос в издательских линиях по региональным литературам. Вырываются то одни, то другие авторы, а последовательной издательской линии нет: ни в плане произведений, ни персоналий. В результате у читателей не создаётся никакой полной картины о пермской литературе. Конкурсные и грантовые проекты никогда не приведут к целостному её отражению. «Антология пермской литературы» – это лицо края, вот какова идея проекта.

– Какова же задача антологии?

– Первоочередная её задача: сложить в единую последовательность «рассыпанное» время 1993–2013-х годов. Издать писателей, чьё творчество признано профессиональным на общероссийском уровне, и ввести в читательский оборот те произведения, которые не были опубликованы за эти годы, либо выходили в разрозненных изданиях. Пока вышло только два тома, на выходе – произведения Виталия Богомолова.

– А в чём трудности издания? Почему столь мал тираж?

– Конкурсные деньги, – грустно объяснял Владимир Якушев, – выделяются только на создание оригинал-макета, но для этого нужно пройти по конкурсу «Пермская библиотека». Допустим, книга прошла по конкурсу. Теперь нужно найти средства на полиграфическое её издание, плюс к этому автору нужно вложить тридцать процентов собственных средств, практически, треть. У кого из неимущих писателей-бессеребрянников есть такие деньги?! Это не укладывается ни в какие рамки!

Союз писателей – это творческая, а не коммерческая организация. Девяносто девять процентов наших читателей обращаются к бумажным носителям. В Пермском крае более семисот библиотек, нужно дать хотя бы по одной книге в каждую из них, а не перекла-

дывать это бремя на Союз писателей. – Проект издания антологии просто замечательный! – воскликнула я, будучи активной сторонницей изучения пермского литературного краеведения. – Как долго будет он осуществляться?

– Антология будет выходить, пока хватит сил. Пока что проект держится только на энтузиазме Союза писателей. Но мы твердо намерены последовательно издавать лучших наших авторов. При доброй воле властей эта задача могла бы решиться за два года. Стоит выделить по сто пятьдесят тысяч рублей на книгу каждого писателя – библиотеки и читатели края получат прекрасные тома антологии. Это должно стать культурной политикой властей города и края.

– А кто работал над оформлением антологии?

– Очень помог нам в издании двух первых и готовящегося к выходу третьего тома Равиль Борилевич Исмаилов, председатель Союза художников, его сын Рустам и другие художники. Наш писательский Союз заключил с ними рамочный договор на использование самых лучших их работ, получилась интересная линия.

– Почему авторами первых томов стали именно Вл. Соколовский и Ю. Асланьян?

– Роман «Уникум Потеряева» по своему уникален: он написан в жанре мениппеи, и в нём соединились во едино бытописание, философия, детектив и фантастика. И, хотя основные герои живут в вымышленном губерньском городе Емилинке и его окрестностях, читатель без труда понимает, что речь идёт о Перми и Пермском крае. Узнаваемо и время: это 90-е годы XX века в российской провинции. Издание романа – дань уважения к памяти ушедшего из жизни талантливого писателя. Юрий Асланьян пишет на стыке журналистского подхода: выискивает самые острые проблемы и

доводит журналистскую задачу до литературно-художественного уровня. Это особенность современной прозы, основанной на жизненных реалиях. Не только литературный герой, но и сам читатель погружается в эту жизнь. Роман Асланьяна – крепкая мужская проза, захватывающая читателя своей остротой.

– За последние годы в Пермском крае появилось много молодых талантливых авторов, о которых широкие читатели ещё не слышали. Как дорасти им до профессионального уровня? И вторая проблема: не каждый писатель находит себе спонсоров, как им быть?

– Им может помочь только писательское сообщество да правильно выстроенная культурная и издательская политика края.

...Глядя на чудесно изданные два первых тома антологии, я не без горечи подумала, какие огромные бюджетные средства забуханы были на антикультуру, на музей «современного искусства» Марата Гельмана, на красных человечков, на «надкушенное яблоко» у входа в главную библиотеку края и на прочие пакости, не имеющие к культуре ни малейшего отношения. Не пора ли городским и краевым властям извлечь уроки из всего содеянного и поддерживать финансово подлинную культуру, неотъемлемой частью которой будет антология пермской литературы с добротными томами поэзии, прозы, детской литературы и литературной критики. Культура, формирующая человека-созидателя, а не разрушителя, – это наше единственно верное будущее. И пермский Союз писателей во главе с Владимиром Якушевым делает всё возможное и невозможное для его осуществления.

Р. С. Когда этот материал был готов, вышел в свет заявленный том произведений В. А. Богомолова и началась работа над книгой Натальи Совы (Н. В. Белоусовой).

■ ДЛЯ ДРЕВА ЖИЗНИ

Виталий БОГОМОЛОВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

ШАРЫНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ: ПЕСНИ, СТИХИ, РАССКАЗЫ...

Тринадцатый раз, начиная с 2000 года, красная организация писателей выбрасывает свой десант в Ординский район на Шарынинские чтения. Основателем их является уроженец села Шарынино писатель Иван Гурин. Изначально идея Чтений (да она и на сегодня остаётся той же) была морально-культурная поддержка земляков в период распада и гибели села, соучастие в том положении, в котором оказались крестьяне.

Нынешние Чтения, как и предыдущие, проходили не в Шарынино, где жизнь постепенно и неотвратимо затухает, а в соседнем селе Медянка, в прекрасном ДК.

За дюжину лет Шарынино и Медянку посетили многие писатели, всех и перечислить здесь невозможно. В нынешний приезд были: Владимир Якушев (председатель правления краевой писательской организации, поэт и критик), Иван Гурин (прозаик), Фёдор Востриков (поэт), Виталий Богомолов (прозаик и поэт), Николай Глумов (поэт), Марина Витмановская (художник и скульптор).

Могут спросить: ну что там способны сделать группа в несколько человек, как могут повлиять они на вымирающую деревню? Одна яблонька в саду, если она плодоносит, способна угостить лакомыми плодами многих. Но чтоб она плодоносила на нашей уральской малопродуктивной почве, за нею требуется

особый уход: и компост, и подкормка, и удобрения... Так вот, своеобразной подкормкой древа жизни, социального древа, являются и мероприятия, подобные Шарынинским чтениям. Ведь никто ещё не отменил библейскую истину, что не хлебом единым жив человек, но всяким словом...

То, что несёт своим словом писатели, незримо перетекает в души тех, кто приходит на подобные мероприятия. Перетекает, находит отклик и реализуется в мыслях, делах, поступках, служит утешением и поддержкой в жизни обыденной. Потому что говорить писатели стараются о насущном, хотя порой в форме шутки, с юмором: «И сорокам, знать, в России есть задуматься о чём...»

Кроме того, в мероприятии принимали участие не только мастера слова, но и мастера песни: прекрасный ансамбль из села Суда, певица из посёлка Майский Краснокамского района). Были и руководители крестьянских хозяйств С. М. Накаряков, В. И. Хо-

мутов, который не впервые приехал на эти Чтения из далёкого Нытвенского района. Были гости из Уинского района, в их числе Пётр Ильич Тепляшин, который много лет руководил – продуктивно – культурой своего района.

На Чтениях присутствовал глава Ординского района Г. С. Банников, который разделяет насущные заботы тружеников района и который после своего выступления не сбежал (как это бывает повсюду, ссылаясь на занятость и теряя авторитет), а присутствовал на мероприятии до конца. Он понимает созидательную, поддерживающую роль культуры в тех нелёгких делах и заботах, которые ему как главе района приходится решать.

...В тот же вечер гости отбыли восвояси. Теплым и душевным было прощание с людьми, многие из которых стали за эти годы друзьями писателей. Пусть это душевное тепло не иссякнет до Чтений следующего года!

1. Во втором ряду В. И. Хомутов и И. П. Гурин

2. Выступает поэт Николай Глумов

3. Зал Дома культуры начал наполняться за полчаса до начала

РЕШЕНИЕ О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ ДОСТОЕВСКОГО I, II, III СТЕПЕНИ

принято на основании Постановления Президиума Пермской краевой организации Российского профессионального союза работников культуры № 41 от 16.10.2013 г. и ходатайств Правления Пермской краевой общественной профессиональной организации Союза писателей России.

За создание значительных произведений литературного искусства, отразивших идейные и философские искания российского общества конца XX начала XXI веков, а также за большой личный вклад в развитие культуры и литературного искусства Пермского края наградить орденом Достоевского I степени **Беликова Юрия Александровича** – писателя, члена Союза российских писателей, г. Пермь.

За создание значительных произведений литературного искусства, твёрдо отстаивающих культурные традиции Отечества и вызвавших общероссийский читательский интерес и признание, а также за большой личный вклад в развитие культуры и литературного искусства Пермского края наградить орденом Достоевского I степени **Богомолова Виталия Анатольевича** – писателя, члена Союза писателей России, г. Пермь.

За создание выдающихся произведений литературной критики, возрождающих в общественном сознании большие исторические смыслы государственного строительства России, а также за привлечение общественного внимания к произведениям современных пермских писателей наградить орденом Достоевского I степени **Бондаренко Владимира Григорьевича** – литературного критика, публициста, главного редактора газеты «День литературы», члена Союза писателей России, г. Москва.

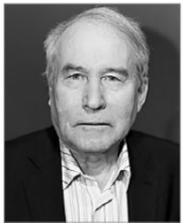
За создание значительных литературных произведений, снискавших общероссийское признание, а также за большой личный вклад в организацию литературного процесса в России наградить орденом Достоевского I степени **Дорошенко Николая Ивановича** – секретаря правления Союза писателей России, главного редактора газеты Союза писателей России «Российский писатель», члена Союза писателей России, г. Москва.

За создание значительных художественных произведений, отобразивших замечательных людей Прикамья, в том числе пермских писателей, а также за многолетнее плодотворное сотрудничество с Пермской писательской организацией наградить орденом Достоевского I степени **Исмагилова Равиля Барилевича** – Заслуженного художника Российской Федерации, Председателя Пермской организации ВТОО «Союз художников России», члена Союза художников России, г. Пермь.

За большие заслуги в деле сохранения и пропаганды национального литературного достояния России, а также за воспитание творческих и научных кадров наградить орденом Достоевского I степени **Смирнова Владимира Павловича** – профессора, почётного работника высшего образования России, члена Высшего творческого совета Союза писателей России, члена Союза писателей России, г. Москва.

За создание высокохудожественных прозаических произведений литературного искусства, глубоко и правдиво отобразивших переломные периоды отечественной истории и способствующих единению русского и белорусского народов, а также за большой личный вклад в развитие литературного искусства Пермского края наградить орденом Достоевского II степени **Гурина Ивана Петровича** – писателя, члена Союза писателей России, г. Пермь.

За создание высокохудожественных произведений живописи, раскрывших историческую глубину образов нашего Отечества и красоту характеров наших современников, а также за многолетнее плодотворное сотрудничество с Пермской писательской организацией наградить орденом Достоевского II степени **Одинцова Игоря Павловича** – члена Союза художников России, г. Пермь.

За создание высокохудожественных произведений литературного искусства, снискавших читательскую любовь и признание, удостоенных ряда всероссийских и региональных литературных премий и многократно переизданных, а также за многолетнее плодотворное сотрудничество с пермскими писателями наградить орденом Достоевского II степени **Пересторонина Николая Васильевича** – писателя, члена Союза писателей России, г. Киров.

За создание высокохудожественных произведений литературного искусства, снискавших читательскую любовь и признание и выдержавших несколько изданий, а также за большой личный вклад в развитие литературного искусства в Пермском крае наградить орденом Достоевского II степени **Солодникова Геннадия Николаевича** – писателя, члена Союза писателей России, г. Пермь.

За создание высокохудожественных произведений литературного искусства в жанре фантастики, пользующихся высоким читательским спросом и выдержавших несколько изданий за пределами Пермского края, а также за большой личный вклад в развитие литературного искусства в Пермском крае наградить орденом Достоевского II степени **Филенко Евгения Ивановича** – писателя, члена Союза писателей России, г. Пермь.

НОМЕРА ОРДЕНОВ НАГРАДНОГО СПИСКА

- № 52 Беликов Юрий Александрович
- № 18 Богомолов Виталий Анатольевич
- № 29 Бондаренко Владимир Григорьевич
- № 44 Дорошенко Николай Иванович
- № 47 Исмагилов Равиль Барилевич
- № 31 Смирнов Владимир Павлович
- № 21 Гурин Иван Петрович
- № 34 Одинцов Игорь Павлович
- № 46 Пересторонин Николай Васильевич
- № 35 Солодников Геннадий Николаевич
- № 43 Филенко Евгений Иванович
- № 53 Ведерникова Людмила Семёновна
- № 39 Накаряков Сергей Михайлович
- № 45 Неведомская Светлана Эрнстовна
- № 48 Корсаков Николай Иванович
- № 26 Тимошин Вячеслав Андреевич
- № 28 Хомутов Виктор Иванович
- № 49 Чудинова Галина Васильевна

За многолетнюю плодотворную деятельность в области литературного просвещения населения, а также за большой вклад в дело изучения и пропаганды произведений литературного искусства Пермского края наградить орденом Достоевского III степени **Ведерникову Людмилу Семёновну** – заведующую отделом научно-исследовательской работы ГКБУК «ПГКУБ им. А. М. Горького».

За большую подвижническую работу в деле организации и проведения Шарынинских литературных чтений в течение ряда лет, а также за последовательное и активное вовлечение пермских писателей в культурную жизнь селян наградить орденом Достоевского III степени **Накарякова Сергея Михайловича** – директора ООО «КОЛХОЗ ИМЕНИ ЛЕНИНА» Ординского муниципального района Пермского края.

За большой личный вклад в реализацию книгоиздательских проектов ПКОО «Союз писателей России», поддержанных Министерством культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края и вызвавших на протяжении ряда лет интерес литературной критики и благодарные отклики читателей, наградить орденом Достоевского III степени **Неведомскую Светлану Эрнстовну** – директора издательства «Пермский писатель», г. Пермь.

За большие заслуги в развитии культуры и литературного искусства в Пермском крае на посту заведующего отделом культуры Пермского областного комитета КПСС, а также за многолетнее и плодотворное сотрудничество с ПКОО «Союз писателей России» наградить орденом Достоевского III степени (посмертно) **Корсакова Николая Ивановича** – кандидата исторических наук, г. Пермь.

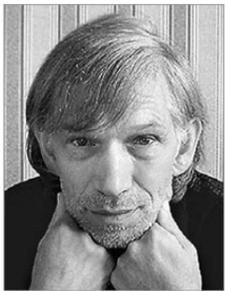
За многолетнюю успешную работу в духовно-нравственном, патриотическом и гражданском воспитании молодёжи Пермского края средствами литературного и театрального искусства наградить орденом Достоевского III степени **Тимошина Вячеслава Андреевича** – заслуженного артиста Российской Федерации, председателя первичной профсоюзной организации муниципального автономного учреждения культуры «Пермский театр юного зрителя», г. Пермь.

За большую подвижническую работу по увековечиванию памяти поэта Валерия Возженникова, а также за последовательное и активное вовлечение пермских писателей в культурную жизнь селян наградить орденом Достоевского III степени **Хомутова Виктора Ивановича** – директора ООО «Уралец», депутата Земского собрания Нытвенского муниципального района Пермского края.

За создание востребованных литературоведческих работ о произведениях пермских писателей, а также за многолетнее и плодотворное сотрудничество с ПКОО «Союз писателей России» по организации литературной жизни Перми и Пермского края наградить орденом Достоевского III степени **Чудинову Галину Васильевну** – кандидата филологических наук, г. Пермь.

Михаил АНИЩЕНКО
(1950–2012),
Союз писателей России,
г. Самара

СОН

Утыкаясь в пламя кос,
Плачет Таня на рассвете:
«Мама, мама! Карлик Нос
Точит зубы на портрете!»
Мама, сторож зимних дач,
В темноту идёт, вздыхая:
«Тише, Танечка, не плачь,
Это сон, моя родная».
«Спи, не глядя в темноту,
Спи, над облаком летая...»
«У него клыки во рту!» –
Безутешно плачет Таня.
Мама смотрит на портрет,
Говорит с тоской святою:
«Это, Таня, президент
Нашей родины с тобою».
«Спи, родная. Всюду сонь...
Становись во сне добрее...»
«Мама, мама! Брось в огонь,
Брось в огонь его скорее!»
Мама, сторож зимних дач,
В темноту идёт, вздыхая:
«Таня, Танечка, не плачь!
Это сон такой, родная!»

РОДИНЕ

Я ступаю по тонкому льду
Над твоею холодной водою.
Только чувствую: эту беду
Не утянешь на дно за собою.

Впереди – беспросветная ночь,
За спиною - полоска разлада.
Дорогая, хорошая! Прочь!
Ничего от тебя мне не надо!

Я прощаюсь с твоей красотой,
С незадачей твоей изьяною...
Я не знаю, что стало с тобой,
Ты не знаешь, что будет со мною.

Не жалею, не зови, не кричи.
Никуда возвращаться не надо.
В тихом омуте стыннут ключи
От небесного рая и ада.

Мне теперь что назад, что вперед
Спотыкаться, скользить и кружиться...
Но на веру твою, как на лёд,
Я уже не могу положиться.

Оглянусь: ты стоишь у плетня,
Ожидая, что всё-таки струшу...
И жалешь, и любишь меня,
Как свою уходящую душу.

ХОРОШО

Снегири мои, зяблики, вороны,
Туготравье и батюшка-лес,
Хорошо, когда каждому поровну
Достаётся земли и небес!

Хорошо мне от тихого дождика,
Хорошо, что у храмов и слег
Для святого отца и безбожника
Одинаковый сыплется снег.
Хорошо, что берёзы не бедствуют,
Не злословит речная вода,
Что душа моя с небом соседствует
И сливается с ним навсегда.

Хорошо, что с холодного пёнышка
Можно в небо смотреть без помех,
Где моё заповедное солнышко
Поднимается сразу для всех!

Юрий БЕЛИКОВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

...НА МЕСТЕ ВЕКА 21-ГО

Вадиму Рабиновичу

Не упрекай меня серебряным
и не кивай на золотой –
я и в свинцовый с его цербером
не собираюсь на постой.

Но я плесну азарта унцию
в состав из вынутых веков
и над риторкой побезумствую –
и вот уж новый век готов.

Пусть, волею моей взлелеяна,
история отступит вспять,
но я заставлю Менделеева
его таблицу переспать.

И клеточку, что не заполнена
на явленной таблице той,
преобразит вдруг чудо-молния,
как след, слезающийся водой.

И ты почтишь поэта скверного,
потомок, прах его поправ, –
на месте века двадцать первого
узрев инопланетный сплав.

КРИКИ ВО СНЕ

За то, что мать кричит во сне,
спасибо, говорю
родной стране и той стране
голимый крик дарю.

Не оголтелую молву –
свой крик узнай, страна,
как ты не только наяву,
но и во снах страшна.

Как лужи крови горячи
и едок дым с волын,
так ты, страна моя, кричи,
но – голосом своим.

Страна-ловушка. Просвистит
в тумане самолёт...
Но мать во сне своём не спит –
услышал бы пилот.

Мать перебарывает сон,
мать караулит крик,

чтобы, в неё прокравшись, он
в сон сына не проник.

Стерёт я матушкины сны
до третьих петухов,
но как изгнать мне крик страны
из матушкиных снов?

Я тяжело вперяю взгляд
в густеющую стынь
страны, где каждый третий – кат,
а столичный град – Катынь.

Неужто снова адмирал
пройдёт по суше, чтоб
перевернуть плечом Урал –
страны хрустальный гроб?

А если – яблони сажать?..
О, не мешайте мне!
Я так хочу увидеть мать
с улыбкою во сне.

Дверь запираю на волосок
женщины, что на рассвете ушла, –
так лишь проверишь в России замок,
ежели в доме тусовка была.

Плюнь на пальцы – и волос льняной,
гребнем изъятый, к дверям прилепи
сладкой, кощунственной, синей слюной –
лёгкую пломбочку грубой любви.

Ну, так спешу же, застенчивый тать,
фотографировать стол и кровать.
И да спасут нас не зренья и слух –
волосы наших возлюбленных шлюх!

В этой стране, где и страсть на миру,
стоит ли щёлкать щеколдой тройной?
Чёрный, каштановый иль золотой –
сколько начешут, на столько запру.

Станный, Россия, ты всё-таки сад.
Снизу посмотришь и видишь в тоске,
как перезрелые двери висят,
чуть ли не каждая – на волоске.

Чтобы в шлёпанцах шёл за окошком
одышливый дождь,
долго шарил в карманах,
потом коробком шебуршал,
отсыревшими спичками чиркал,
шипящими сплошь,
и выныривал вспышку,
а после в затяжку дышал.

Извлекал из-за уха
сугубо простой карандаш
и всё то, что сегодня
привиделось мне за окном,

Сходит с поезда вечером
На разъезде глухом.
А в окошко застывшее
Рвётся красный закат,
И колёса охрипшие
Прямо в сердце стучат.

И слагаются повести
Про любовь и печаль,
Про разлуку и горести
Да дорожную даль.

По рельсам ледяным, под ледяной луной,
Сквозь ледяную ночь, по ледяной земле
Мой поезд мчит меня. И не даёт покоя
Бряцающий стакан на маленьком столе.

Нечитанный роман заброшен в изголовье,
Не тронут чёрный хлеб, не выпито вино,
И новая заря окрашивает кровью
Убогое купе сквозь мутное окно.

По рельсам ледяным, под ледяной луной,
Сквозь ледяную ночь, по ледяной земле
Мой поезд мчит меня. И не даёт покоя
Бряцающий стакан на маленьком столе.

плотно заштриховал бы
до синего ворона аж! –
тем сугубо простым,
чуть крошащимся карандашом.

ПАЛЬЦЫ МАТЕРИ

«Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнёт?»
А. Блок

Старуха нищая с клюкой
среди таких же постояльцев
стоит с протянутой рукой,
где есть ладонь, да нету пальцев.

Россия, где твои персты?
За тем холмом или за этим?
Не подадим. И не ответим.
И пальцы в крест не сложишь ты.

В какой, Россия, стороне
следы семян твоих сохрани?
Твой указательный – в Чечне?
А в Белом доме – безымянный?

А средний твой – на дне морском?
В подложке «Курск», лишённой слова?
Молчу, Россия, о большом,
поскольку нет его, большого.

Ладонь, которую в кулак
не сжать, сама себе гостинец.
Ещё забыть не может, как
болит Владикавказ, мизинец.

И сам Господь, не пряча слёз,
сквозь пальцы те глядит и стонет:
– Творец, не ты ли произнёс,
что мир лежит, как на ладони?..

ВИДЕНИЕ ДОРОГИ

Эта дорога страшится в будущее шагнуть.
Вся улеглась до пылинки.

Оледенела до лужицы.
Что же тебя ужасает,
путь в крематорий, путь,
где человецы мира волосы
рвали от ужаса?!

Волосы всех народов здесь
в колтуны сплелись.
Сколько их, светлых, тёмных
и на лету седеющих,
падало на дорогу! – было такое где ещё? –
и на одном – тончайшем –
мир, как всегда, повис.

Что там вдали, дорога? Воздух каких оступ?
Ты ли остановилась,
по черепам ступавшая?
Как на дитя родное,
смотришь в ещё не ставшее,
и у тебя, дорога, волосы дыбом встают!

РУССКИЙ ПОЕЗД

Позади всё поля да погосты,
Всё поля да погосты кругом.
Проплывают великие вёрсты
За вагонным печальным окном.
Не от этого ль сердцу так больно,
Не от этого ль бьёт тебя дрожь,
Не от этого ль ты слабовольно
Снова пьёшь на последний свой грош.
Чтоб опять всё и ясно и просто
Стало в горестном мире твоём,
Чтобы опять мог глядеть на погосты
За вагонным печальным окном.
Чтоб опять мог припомнить былые,
Пролетевшие быстро года.
Этого не поймут остальные,
Провожающие поезда.

...И, в общем, грешен человек,
Но даже грешным нужен роздых,
Тогда для них есть чистый снег
И ослепительные звёзды.

Николай ГЛУМОВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

В ДОРОГЕ

Всё на свете кончается,
Как в пути города,
И вагончик качается
И бежит в никуда.
И на станции маленькой
Входит бабка с клюкой,
В прохудившихся валенках,
В кацавейке смешной.
Говорит нам доверчиво
О прожитом-былом,

■ ДОСТОЯНИЕ

Иван ЕЖИКОВ,
Союз журналистов России,
г. Пермь

КАК НА ИСПОВЕДИ: ВОСПОМИНАНИЯ О ПИСАТЕЛЕ

Безвременная трагическая гибель писателя Н. Кинёва потрясла многих жителей нашего края, особенно тех, кто знал его со студенческих лет. Уже в те годы ярко проявились его любовь к русскому слову, незаурядные творческие способности, музыкальная одарённость. Меня сблизил с ним журналистская работа: я работал в Перми, он – в районных газетах, поближе к Суксуну, где в родных Ключиках всегда его с нетерпением ждали мама Лидия Николаевна и бабушка, которой он многим был обязан в своём образовании и духовном просвещении.

Позже наши пути вновь пересеклись, когда я работал редактором газеты «Луч» (экологического приложения «Пермских новостей»), а Николай несколько лет работал собственным корреспондентом газеты «Пермские новости». Как истинный крестьянский сын, он был настоящим трудоголиком. Ему мало было довольствоваться газетными строчками. Он писал стихи, рассказы, участвовал в работе литобъединения при писательской организации, в творческих семинарах молодых литераторов, мечтал о первой своей книжке. А мечта эта каждый раз выпархивала из рук как сказочная жар-птица. Жизнь не баловала молодых литераторов. Местные литературные корифеи не щадили их, порой били под самый дых. Всё это в полной мере испытал и Николай. В моём личном архиве сохранилось несколько его писем той поры. Перечитав их, я решил, что они не должны погибнуть в личном архиве, что они могут быть интересны его многочисленным друзьям и поклонникам его незаурядного таланта, потому что дают представление о писательском труде и о тех условиях, в которых приходилось работать Николаю Кинёву.

Последний сборник его рассказов, изданный к 65-летию писателя, называется «Вот тот мир, где жили мы с тобою...» Мир, в котором жил и творил писатель, небогат внешними событиями, но полон драматических коллизий и переживаний.

Письмо, которое я предлагаю вниманию читателей, можно смело назвать исповедью человека, с беспощадной правдивостью рассказавшего о времени и о себе (письмо публикуется впервые с некоторыми сокращениями):

«Ключи. 20 января 1973 года.

Дорогой Ваня!

Я получил от тебя все письма и открытки, и они помогали и помогают мне в очередной чёрной полосе моей окейной жизни, хотя я и не отвечал тебе. Не до того было. А ты как чувствуешь вроде, почему не отвечаю, и продолжаешь писать, – спасибо.

Как тебе уже известно, в Ачите я жил не один. С самого начала, с лета 1969 года, я в Ачите жил вдвоём, получил квартиру и т. д. От Ключей это близко. 40 км, так что и мать была довольна. Но жизнь сразу не пошла: то восторги (любовь ведь), то ненависть (разные интересы, вкусы, привычки). Как что не по мне, я запивал. К концу второго года жизни мы занимались в основном выяснением наших отношений. Целые ночи напролёт. Писал я смертельно мало. Я оставил всех друзей и знакомых и в течение более чем полутора лет не писал писем: я не знал, что писать о себе: где я и с кем. Каждый день мог всё изменить. Имея квартиру и жену, я не знал, куда мне деться после работы: ночные ссоры всё равно заканчивались тем, что я шёл на тракт, поджидал машину, чтобы уехать на ночь в Ключи, или отправлялся к кому-нибудь выпить. Я десять раз подавал заявления об увольнении, но меня, несмотря на мои выговоры, не отпускали, пока это всё не надоело редактору до чёртиков.

Ключи от квартиры стали не мои: захочет В. (вспомнит про любовь или настроение хорошее) – выдаст, захочет – «иди, откуда пришёл». Понимая, что с хорошим мужем так не поступают, я стал в себе искать причину всей этой Крейцеровой сонаты, а также выискивать резервы для перемены отношений. Я решил, что всему виной мой алкоголизм. Я уволился-таки с работы и – в июне прошедшего года – поехал лечиться от вина. В Пермь. В психическую клинику,

на улице Революции. Определили депрессию и положили. Лежал около трёх месяцев. От алкоголизма сделали несколько уколов аломорфина и прекратили, мне стало хуже, и потом всё, как я понимаю, от тоски, от тоски лечили. У меня было такое отвращение к жизни, что я никому в Перми не дал знать о себе и не попросил о том, чтобы меня навести (...).

Ну, хорошо. Приехал из больницы, не пью, ищу работу. Вдруг узнаю, что В., пока я был в Перми, чудное лето даром не теряла и имела по меньшей мере два романа, которые мне не понравились. Спросил у неё, правда ли. Гневу её не было предела, и она пожелала от меня избавиться, и не видеть меня более никогда, сказала, что выходит замуж. Ладно. Уехал в Ключи. Как по палочке волшебника, заболела мама. Положили её в больницу. Дней 17 ухаживал за бабушкой, которой 105 лет и которая не встаёт уже с постели. То сидит, то лежит. У мамы что-то с сердцем было. В этом, разумеется, тоже я виноват. Попытайся как нервы с таким сыном. Мама плачет, хочет, чтобы я жил здесь и не бросал их больше. В суксунской газете мест нет. Ходил тут на курорт. Можно устроиться слесарем. Надо только прописаться тут, хотя бы временно, да медосмотр пройти. После Нового года совсем плохо стало бабушке. Со дня на день ждём смерти.

Никакого у меня нет желания работать слесарем. Но делать нечего. Я уже стал совсем тунеядцем. Нет ни денег, ни книг, ни газет. Придётся соглашаться, а там видно будет. Хорошо бы взять какую-нибудь работу по договору, допустим, с издательством, чтобы выдали аванс. Но ведь это мечта. Не знаю, ведь договариваются же как-то: Ав. Крашенинников вот о колхозе «Россия» книжку написал. А Михайлюк о Березниках и о Перми. Вот бы мне что-нибудь такое найти.

Правда, со всей моей гаденькой, худосочной, никчёмной жизнью я сделал поступок, который во мне что-то перевернул. В начале декабря прошлого года, будучи в Ачите, чтобы сняться с в/учёта, я залез в петлю, но был замечен двумя мужчинами и из этой петли вызволен. Сейчас в Ачите об этом, должно быть, ходят радостные слухи: там давненько никто не давился. О том, что я чувствовал «до» и «после», надо в романе писать, а не в письме. Но главное – я как-то особенно, каким-то вселенским чутьём понял, что во мне безвозвратно утеряно что-то сильное, что осталось мне не долго и что никто за меня потом ничего не напишет. В общем, я стал писать. Именно сейчас, когда ни условий, ни просвету. Пишу я по ночам, когда мои старушки, отчаявшись, засыпают-таки. Вот уже недель шесть, как я не сплю по ночам. Пытаюсь наверстать время, истраченное на самоанализы, на вино и на эту самую любовь. На В. я потратил три с половиной года, а заслужил одну ненависть. Я уж не говорю о том, как я себя транжирил до неё.

О, как я сейчас помню: в 1970 году по рекомендации журнала «Урал» Свердловская киностудия предлагала мне поехать в Москву на двухгодичные курсы киносценаристов. Двоих человек со всего Уралу подыскивали. Мама – в слёзы, В. – в слёзы. И я не поехал. Сейчас бы прикончил, фильм бы, может, заканчивал. А так ведь даже в глазах самых понимающих меня людей кто я? Отребье? Не сельский, не городской. Спился, стихи пишет.

Ну, вот я и исповедовался перед тобой. Суди, да не наотмашь. Как бы мне хотелось с тобой хоть денёк рядом походить, поговорить. Когда буду в Перми – не знаю. Должно быть, тогда, когда переделаю весь мой сборник, который обсуждался в Союзе. Переделывать, заменять чёрное на светлое мне нелегко. Этот самый Лев Правдин, который меня упрекал за то, что я мало пишу, представления ведь не имеет о том, что каждый свой рассказ я переписываю в течение восьми-десяти раз. Год прошёл – переделываю. Год прошёл – снова переделываю. Когда отдал эти рассказы на обсуждение, наконец, (я ведь мог бы и раньше отдать), я думал, что всё, что больше уже нечего переде-

лывать. Оказывается, ещё надо. А у меня уже никаких сил нет. Другие, новые вещи из-за этих старых, ненапечатанных, плохо пишутся. Эти мои старые рассказы – как давно рождённые, застоявшиеся девки, которых никто замуж не берёт. Они киснут, коснеют, дурно пахнут, требуют к себе каждодневного внимания и не дают развиваться своим младшим сестрёнкам нравиться заезжим кавалерам. Даст бог, я по этим своим творческим ночам закончу несколько новых рассказов и заменю ими некоторые старые, тогда и привезу. Опять же – перепечатать надо всё на машинке. Машинка у меня есть.

Когда я хоть что-нибудь закончу (начато много, пишу параллельно несколько рассказов и повесть сразу), я тебе обязательно пришлю прочитать и отозваться (Если, разумеется, это моё покающееся письмо не отдалит тебя от меня). Теперь же у меня к тебе просьба: мои рассказы, если они у Э. Шумова (да хоть у кого будь), возьми себе и пройдишь по ним карандашиком, когда найдёшь время, а затем вышли их мне на Ключи. Твои замечания помогли бы мне доработать сборник, чем я сейчас занимаюсь. Чем скорей закончу, тем лучше, – пока писатели не забыли снова, что я существую (...).

Ну, всего, всего хорошего. Напиши мне пермские новости. Нельзя ли принять участие в каком-либо издании?

С признательностью – твой Николай».

Да, жизнь полосатая штука. Будут у Николая ещё и чёрные, и светлые дни. Постепенно наладится и его семейная жизнь.

В Кишерти найдёт свою любовь, здесь придут к нему второе дыхание и счастливые часы вдохновения. И рукописей – подготовлено на два полноценных сборника. А издатели остаются глухи. Только через десять лет, в 1983 году выйдет в свет первая книга Н. Кинёва «Слети к нам тихий вечер». Уже первые отклики на книгу показали, что негромкий, искренний голос молодого писателя затронул человеческие сердца. Появились отклики в прессе. В газете «Звезда» был напечатан мой отзыв о книге, озаглавленный «О деревне – с любовью»: «Слети к нам, тихий вечер» – первая книга Николая Кинёва. Семь рассказов. Все они о деревенской жизни. И хоть каждый из них на особинку, есть и общее – позиция автора, то высокое нравственное начало, которое объединяет его героев, детей и взрослых.

Глазами своего героя видит деревню Николай Кинёв, и оттого столько сокровенного, доброго, нередкого щемящего открывает он в простых человеческих судьбах своих земляков, в жизни послевоенной деревни.

Автор не стремится развлечь читателя. Простые и в то же время жизненные сюжеты его рассказов естественны, без замысловатых ходов, без эффектных или драматичных концовок – одним словом, без того, чем не прочь иногда щегольнуть молодой литератор. И названия рассказов – «Черёмухи», «Три сосны», «Букет земляники», «Незабудка» – тоже непритязательно конкретны. Нравственное здоровье людей деревни, их коллективизм и взаимовыручка, близость к природе – лейтмотив рассказов Н. Кинёва («Звезда», 17 августа 1983 года). Позже читатель увидел новые сборники уральского автора: «Белая роца», «Вот тот мир, где жили мы с тобою...» Творчество Н. Кинёва получило общее признание, ему была присуждена престижная премия имени Д. Мамина-Сибиряка.

Николай Кинёв ушёл из жизни в пору творческой зрелости. Были планы, остались незавершённые рукописи. Но и то, что увидели читатели, говорит о силе его таланта. Писатель, поэт и журналист Н. Кинёв оставил небольшое литературное наследие, но оно навсегда останется с нами, яркой звёздочкой будет светить на уральском небосклоне.

На фоне мемориальной доски Н. Г. Кинёву.
В первом ряду А. Кинёва, И. Гурин,
И. Ежиков. Июнь 2012 года

■ ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Владимир ГЛАДЫШЕВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

«А ТОГДА ЗАЧЕМ ВСЁ?..»

Недавний приезд в Пермь Анатолия Заболоцкого (в связи с награждением его орденом Достоевского) вновь вызвал в моей памяти давние споры о наследии, творчестве Василия Шукшина, разговоры о причинах его гибели. Да, многие считали и считают, что столь ранняя смерть писателя не была естественной. И Заболоцкий, известный публицист, кинооператор, друг Шукшина, относится как раз к числу последних...

Я перелистал свои дневниковые записи о встречах тех лет, перечитал шукшинские рассказы, публицистику...

...Однажды Василий Макарович пошутил: «До 65-ти я продержусь, потом начну пить и писать воспоминания». Не суждено было.

Тогда, в 1974-м, я был студентом журфака УрГУ, мы только что приступили к занятиям. Как будто вчера это было – вдруг по «общаге», где мы жили, пролетает весть: «Шукшин умер, слышал?» На предыдущем курсе мы, будущие журналисты, бурно обсуждали его картину «Калина красная», писали рецензии... Смерть писателя, актёра и режиссёра Василия Шукшина поразила в самое сердце. Портрет его, признаюсь, висел над моей кроватью в комнате общежития на улице Большакова с первого курса... Много позже, в ноябре 1991 года, меня командировали в столицу на Российский конгресс интеллигенции. Там мне довелось встретить актрису Л. Н. Федосееву-Шукшину. Правда, долго беседовать не пришлось, атмосфера богемной «тусовки» не располагала к откровенной беседе. Тот разговор оставил в душе больше вопросов, чем ответов.

Однако некоторые из ответов вдова писателя выдала в своих телесюжетных интервью. Что характерно: ведущие передач, как правило, осторожно просили Лидию Николаевну прокомментировать странные слухи, – которые появились, – об обстоятельствах ухода её знаменитого мужа. Вопрос совсем не случайный, потому что именно вдова Шукшина делилась недвусмысленными намёками (в программах «Женские истории», «Момент истины», «Старая квартира»), что смерть её мужа, последовавшая на теплоходе во время съёмки фильма «Они сражались за Родину», носила признаки насильственного характера.

Вдова откровенно говорила, что Василия Макаровича «убрали». Почему? Потому что он хотел ставить «Степана Разина». А популярность этого героя, помноженная на широчайшую известность самого Шукшина, могла породить бунт в стране. Таково убеждение Л. Н. Федосеевой.

Слухи долго продолжали, что называется, циркулировать, они уже перекочевали в книги, мемуары...

Летом на родине Василия Макаровича в алтайском селе Сrostки проходят традиционные уже Шукшинские чтения, на них распространяются книги, в том числе фотоальбом Анатолия Заболоцкого. Автор – замечательный оператор, снимавший не одну шукшинскую картину – это соратник, близкий человек и, как выяснилось, интересный мемуарист.

Мне довелось присутствовать на презентации альбома Заболоцкого, проходившей в Москве, в Центральном Доме литераторов. Сама атмосфера встречи наводила, признаться, на печальные мысли. Прежде всего потому, что для такой-то презентации лучше места, чем Шукшинский центр искусств, было бы не подобрать! Но... центр, для которого в своё время уж было отдано и здание бывшего детского кинотеатра, в столице так и не появился. Георгий Бурков, друг Шукшина, много сделавший для создания центра, в 1990-м также внезапно ушёл из жизни, не успев довести дело до конца.

В «лихие 90-е» возник пикантный момент, когда организацию данного центра объявил своим «делом чести» очередной муж Лидии Николаевны, известный «нанаец» Барий Алибасов. Ничего путного из этого, увы, не вышло, да и не могло выйти. «Что он Печкубе?..» Кстати, с Алибасовым Федосеева быстро рассталась.

Так вот, что меня поразило на той презентации: в Центральном Доме литераторов – считайте, на встречу с Шукшиным! – пришла лишь небольшая

кучка поклонников его творчества. В основном это были люди, которых связывало личное знакомство с Василием Макаровичем при жизни. Что скрывать, время сильно изменилось, сегодня читают, смотрят других... а многие вообще ничего не читают и не смотрят, занятые поиском средств проживания.

Мой вопрос о странных высказываниях вдовы Шукшина по поводу смерти Василия Макаровича ничуть не удивил Анатолия Заболоцкого. Он так выразился: «Что молотит там Лидия Николаевна, я не знаю. А насчёт странной смерти Василия Макаровича... Странности были, должен вам сказать...»

Больше всего верного оператора смущает то обстоятельство, что незадолго до смерти Шукшин лежал в больнице, и врач ему сказал: «Ты не дёргайся, не волнуйся, всё обошлось, сердечико твоё ведет себя хорошо». И развёртывал кардиограмму, показывал пациенту. И непонятно тогда, почему в заключении о смерти появится диагноз: «Острая сердечная недостаточность».

Правда, Заболоцкий свидетельствует, что Шукшин в последнее время, месяцы нисколько не жалел себя, не думал о здоровье. «Он сгорал... Сгорал, снимаясь в картине у Бондарчука, обдумывая свою картину... Ему же «Степана Разина» разрешили, наконец-то. Кофе пил немерянно, за день – банку растворимого...»

«Конечно, это чёрное дело – фотографировать умершего, – рассказывал Заболоцкий, – но я сделал это. Так вот на снимке видно чётко: Василий Макарович как будто просто спит, он умер во сне. Жора (Георгий Бурков, живший в те дни рядом с Шукшиным) рассказывал, что он попросил что-то от сердца. Какие-то капли Зеленина. Выпил – и ушёл от нас... Насчёт следов удара или падения (о которых говорит Лида), я не знаю. Надо проводить эксгумацию, чтобы чётко определиться с этим выводом. Статьи, была прядь волос Макарыча. Есть теория такая, что по волосам погибшего можно определить, в каком состоянии умирал человек. Но ведь хоронили-то впопыхах, то есть, обстановка была такая, что собраться с мыслями некогда было. Ту прядку Лидия Николаевна в суе отдала мне, а я положил её в могилу, вместе с калиной. Народищу много пришлось проводить Василия Макарыча нашего... Меня то и дело просили (я близко стоял у гроба) положить узелок с землёй или ветку красной калины. А мать-то его, Мария Сергеевна, в деревне своей была плакальщицей даже, она к похоронам почти профессионально относилась. И она попросила: собери калину, а то сырости много будет в могиле. Я начал собирать и увидел тогда, сколько там уже было узелков с землёй. Это – от земляков, от людей, считавших себя таковыми после смерти Шукшина».

Удивительное совпадение: плакальщицей на похоронах своего сына, талантливого пермского живописца Николая Зарубина, ушедшего в июне 1998 года, была также его мать. Точнее, это не совпадение даже, Зарубин тоже родом с Алтая. Видимо, там так заведено: горе – горем, а проводить человека надо, как дедами заповедано, не нарушив обычай...

А книгу Заболоцкий начал писать лет пять спустя после смерти своего режиссёра. Версификаторов много, это его тревожит, именно поэтому он и считает своим долгом – рассказать о человеке, которого знал лучше других. Лучше, в частности, одной редакторши из издательства «Советский писатель», которая при жизни Шукшина отозвалась о нем как о «графомане-режиссёре», а после... принесла свою книгу о нём (Впрочем, оставим и этой сочинительнице право на позднее прозрение)!

Надолго замолчал после осени 1974 года о своём рано ушедшем друге и Георгий Бурков, всенародный любимец-весельчак, бывший на самом деле лицедеём-мыслителем. То есть, в интервью-то он, конечно, говорил о Шукшине, но далеко не всё. А вот в книге своей, названной «Письма к другу. Размышления у

могильной плиты» (изданной в 1998 году усилиями вдовы в издательстве «Вагриус» в серии «Мой XX век»), он сказал многое, если не всё.

«...Васю закрутили, завертели в партийном хороводе, и легионы корреспондентов разорвали его сердце в ключья. Ему, Васе, казалось, что он гениальный стратег. Ради Степана Разина, ради того, чтобы осуществить цель своей жизни, своё предназначение, он терпел всю эту обнищавшую свору духовных пастырей, кормил их уж одним тем, что позволял доить себя».

Ему казалось, что он хитрит и обманывает их. Получилось наоборот. Его обманули. Они-то уж знали, что делали и делают...

Все они вместе взятые убили Степана Разина, а следовательно, и Шукшина. Вот в чём истина...»

И позже, в одном из фильмов Бурков сказал: «Всю страну поразило это известие, многие считали, что это убийство. Так, в общем-то, и было. В России всегда так кончается...»

Поразительны предположения, пророчества Василия Шукшина. То, что Бурков назвал «готовностью к смерти». А Заболоцкий вспоминает, что Шукшин часто думал о смерти, говорил о ней, причём, не всегда серьёзно. Находил интересные его мысли по данному поводу у классиков – Чехова, Тургенева. В шукшинском рассказе «Жил человек» комментарий от автора кончается таким выводом: «...Но тогда зачем не отняли у нас этот проклятый дар – вечно, мучительно и бесплодно пытаться понять: «А зачем всё?»

Жить уж, не оглядываясь, уходить и уходить вперёд, сколько отмерено. Похоже, умирать-то – не страшно...»

Отмерено Василию Макаровичу оказалось, однако, до слёз мало – всего 45 лет. А нам, оставшимся на грешной земле, пришло время осмысления его наследия, предназначения жизни и смерти творца – и цены компромисса.

Поделюсь ещё одним попутным наблюдением. Почти одновременно с Шукшинским вечером, в том же 1997 году, в ЦДЛ прошла презентация книги отца Дмитрия (Дудко), известного религиозного деятеля-диссидента. И Шукшин, и Дудко занимались тем, что можно без сомнений назвать выращиванием души человеческой. Им было бы о чём поговорить-поспорить, если бы состоялась их личная встреча. В тех условиях, в советском времени, их разделяла дистанция немаленького размера.

Шукшин, совестливый русский художник, всё больше выбивался в сторону от «идейного» искусства, всё заметнее креп его сатирический дар, а это для властей, для «кураторов» уже представляло большую опасность. Это и имеют в виду вдова, а затем и дочь писателя Мария, дающие столь откровенные интервью.

Возможно, столь неожиданный творческий «пируэт» позднего Шукшина (хотя «поздним» он, разумеется, никогда по существу не был, не успел стать таковым) и породил затем версии о его насильственном устранении на борту теплохода...

Предполагалось, что играть Разина будет сам Шукшин. Ну, а кто же ещё? Но самое интересное, что Василий Макарович готовился сыграть в будущем фильме ещё одну роль – уральского бунтаря Матвея Иванова, представлявшего пермский отряд освободителей... По свидетельству кинооператора Валерия Гинсбурга, роль Матвея нужна была для того, чтобы выразить второе «я», разинскую боль.

Все мысли Шукшина в последние годы жизни были о судьбе народа. Писатель пришёл к твёрдому убеждению: из всех исторических катастроф русский народ отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения, человеческие качества, которые не подлежат пересмотру. А качества эти: честность, трудолюбие, совестливость, доброта...

В этот вывод хочется верить, а иначе, зачем всё, в самом деле?

Спустя тридцать лет после своей внезапной смерти он вернулся в виде памятника. Скульптор Вячеслав Клыков решил увековечить его таким, каким запомнили его миллионы телезрителей в финальном кадре фильма «Печки-лавочки»: вернувшись домой, Макарыч сидит на склоне горы и как бы говорит нам, прощаясь, те же слова: «Всё, ребята!.. Думайте сами, решайте сами...»

■ ВРЕМЯ

Виталий БОГОМОЛОВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

ОКОПАТЬСЯ ДО РАССВЕТА

рассказ

Дежурный по школе сержантского состава ворвался в спальное помещение и диким голосом заорал: «Боевая тревога!»

Как дикий порыв неожиданно налетевшего осеннего ветра подхватывает опавшие сухие листья, так этот заполошный ночной крик взметнул с кроватей курсантов-пограничников. Подняли во второй половине ночи, когда у всех порядочных людей тело предельно расслаблено, а сон каменно крепок и набирает самую силу. Только тать придорожная разве что не спит ещё в эту пору...

Морозец от этих двух слов – боевая тревога – пробежал электрическим током по телу каждого из нас, как мы потом узнали, делясь друг с другом впечатлениями.

В считанные минутки школа выстроилась на плацу в полной боевой готовности. То, что были сорваны пе-

чати не только с оружейной комнаты, но и с дверей, за которыми обособленно хранились боеприпасы, и каждое отделение тащило закрепленные за ним ящики с патронами и гранатами, свидетельствовало о нешутности команды. Это мы почувствовали даже своими кишками. Ведь были уже опытными курсантами: семимесячная учёба наша приближалась к концу.

Шофёры, закрепленные за школой сержантского состава и при ней обитавшие, подогнали машины, тут же разнеслась команда «По машинам!» Погрузились, выкатили с территории отряда в сторону границы, которая проходила в двух километрах, и пошла колонна по второму рубежу вдоль границы. Ехали медленно, с погашенными фарами, не демаскируя себя.

Примерно через полчаса встали, по команде: «К машинам!» спешились. Построились повзводно. Грозный начальник школы, майор Захаров – во время Карибского кризиса участник боевого похода на Кубу – дал вводную: «По данным разведки, – сказал он, – китайцы сосредоточили на этом участке границы около двух тысяч человек. Есть сведения, что в ближайшие часы готовится нападение на нашу территорию. Наша задача – занять оборону на этом склоне. До наступления рассвета – окопаться, оборудовать позиции, замаскироваться. Командиры отделений, действуйте согласно Боевому уставу!»

Далее была команда «К бою!», разбегаясь веером, мы развернулись в цепь и залегли. Извлекли из чехлов на поясе

свои сапёрные лопатки, стали окапываться.

Сознание предстоящего возможного боя удесятерило мои силы, стоя на коленях, я выкапывал сначала ячейку для стрельбы лёжа, затем углублял её, превращая в окоп для стрельбы с колена... И так предстояло рыть землю до окопа в полный профиль. Невольно думалось, что это небольшое углубление в степи Казахстана, может быть, моя последняя точка пребывания живым на земле-матушке. Это я представил легко.

Стало до ужаса тоскливо, что в этот миг нет никакой возможности написать домой хотя бы пару прощальных строчек... Свидимся ли теперь?...

Земля в том месте, что мне попало, была хорошая, мягкая, хотя её никогда здесь не касались ни плуг, ни лопата, ни мотыга, и за миллионы лет была возможность, казалось бы, окаменеть. Но – только мелкие камушки чакали-звякали под лопаткой.

Во тьме, едва угадываемый на фоне неба силуэт командира отделения передвигался периодически вдоль линии окопов, от одного курсанта к другому – сержант Зыков пытался определить, кто как трудится. Мелькнуло было, чтоб он кого-то подгонял. Все работали лопатками с большим усердием. Не на оценку копали сегодня, на жизнь. Я на свою лопатку налегал так старательно, что минут через двадцать-двадцать пять на правой ладони, в том месте, где она соприкасалась с крутым набалдашником черенка, вздулся водянистый пузырь отслоившейся кожи.

Но боль не воспринималась, её подавляло желание успеть окопаться до рассвета, а он уже начинал неумолимо брезжить, небо предательски светлело. На пологом склоне угадывался в полукилометре передний рубеж границы, откуда, возможно, хлынут лавиной враги. Мы торопились. Вспомнили слово старого коллеги-комбайнера из Сосновки, которые не раз наставительно повторял он мне, допризывнику: «Доведётся быть на войне – не ленись закапываться в землю! Не ленись!» Комбайнер прошёл всю Великую Отечественную и знал, что говорил.

Глубина моего окопа перевалила глубину для стрельбы с колена, я подбирался уже к окопу в полный рост...

И вот, когда стало возможным различать человеческие фигуры отчётливо на расстоянии примерно ста-ста пятидесяти метров, польхнула негромкая команда «Отбой-ой!»

Лопатка из рук моих выпала! Будто саблей половину телу отхватили!

Неподдельные чувства мои, моё состояние оказались (нет даже определения – как) обманутыми, боевая тревога была учебной. Такого разочарования, каким сменилась и предельно напряжённая работа, и ожидание смертельной опасности, я сейчас, пожалуй, не припомню в моей жизни. Вот тогда и занялась огнём боль в правой ладони...

До событий на Даманском, которые эхом прокатились затем по всей нашей границе с Китаем, оставался ровно год. Но об этом никто ещё не знал.

01–03.11.2013

■ ЗЕМЛЯ

Андрей ЗЕЛЕНИН,
Союз писателей России,
г. Пермь

СМЕШНАЯ ИСТОРИЯ СОЛДАТА КОНЬКОВА

рассказ

Есть такие специальные мины: на них наступаешь – щелчок, и ничего. Не взрывается. Но только ногу поднимешь – тут же рванёт. Страшное дело. Страшные мины.

Тимофей Коньков на такую напоролся. Бежал с донесением в штаб и, нет, чтоб по дороге, а срезать решил! Заскочил в лесок – тропку заметил, метров с пятьдесят, наверное, протопал, и всё. Как услышал, что под ногой правой хрустнуло, так и замер. А глянул вниз – ёлки-палки! – не сучок с дерева, догадался – мина!

На спину сразу будто кто ушат воды родниковой – ледяной – вылил. А голову наоборот жаром обхватило – словно в печь сунули.

Кричать, на помощь звать Тимофей не стал: до дороги далековато, да и ходят по ней не часто. Кроме того: а вдруг немцы услышат? Оборона-то наша не ахти какая, мало ли фрицы где прорвались, опять же разведчики их могут шастать.

Подумал так Тимофей Коньков и...

Лучше бы не думал!

Из кустов на тропку – трое! В масках. В руках автоматы. И рожи довольные: как же! Готовый пленный!

– Хенде хох!

С карабином за спиной да на mine стоя не то что с тремя – с одним фрицем не справиться.

Поднял Тимофей Коньков руки вверх.

Один немец сразу за спину зашёл, карабин с Тимофея снимать начал. Второй в карман нагрудный – гимнастёрки – полез, красноармейскую книжку до-

стал. Третий в сторонке остался – товарищей своих прикрывал.

Когда второй книжку красноармейскую пролистал, на свой манер фамилию Тимофея переделал.

– О, Конкоф! – сказал. – Гут! – сказал. – Ком! – сказал, мол, пошли, давай, с нами.

– Не могу! – Тимофей одним словом выдохнул.

Немец на него удивлённо глянул, на своём что-то лопотнул.

– На mine стою, – Тимофей разъярил, и глаза вниз скосил.

Фриц – разведчик опытный, сразу дело понял. Сперва, правда, отскочил: дрогнул – что и его разорвать может. Затем вернулся – заржал, что жеребец у командира полка, где Тимофей служил. Напарникам своим сказал, на своём, – те тоже посмеялись.

«Ну, вот и конец, – подумал Тимофей. – На кой я им такой? Книжку красноармейскую взял, карабин забрали – шлёпнут, на тот свет отправят, да и дальше пойдут».

Однако немцы не торопились. Второй закинул свой автомат за спину, полез к Конькову в другой карман, за пазуху... Тут Тимофей и обмер: донесение же! Доклад комбата: сколько бойцов в каждой роте, где позиции заняли, кого-чего не хватает... Ёлки-палки!

Фриц донесение глянув, глазам не поверил. «Гут-гут!» – заповторял, товарищам своим махнул, сказал им что-то. Те тоже обрадовались: вот ведь удача для них какая! Затем замолчали они, на Тимофея глядя, видно, думали, что с неудавшимся «языком» делать. Дальше опять переговоры и захохотали, и – спинами повернулись. Зашагали по тропке к себе, к своим. Один, правда, руками помахал, показал, что с Коньковым будет. Потом будет.

И выходило, что два варианта жизненных Тимофею выпадало, а конец – один: если не сам подорвётся, то наши же расстреляют – за потерю особо важного на сей момент донесения и личного оружия.

Говорят, в последний момент жизни у человека перед глазами все его года за миг проносятся: все беды да радости. Неправда то. Тимофею только одно припомнилось: конец сорок третьего, когда он, семнадцатилетний, два года в колхозе отработав, добровольцем в армию уходил. Мать одна провожала. На отца ещё в сорок первом похоронка пришла. И хоть Тимоша у матери один оставался, но сказала мать: «Живым придёшь – встречу, а если погибнуть судьба, только чтоб без позора!»

А здесь, тут...

«Да лучше пусть меня в ключья разорвёт! – Тимофей решил. – Главное, чтобы немцев осколками достало, пока далёко не ушли!»

И шагнул Тимофей Коньков с мины в сторону.

И хлопнуло сухо и коротко – эхо по лесу пронеслось да замерло.

Взрывной волной бросило Тимофея в кусты, откуда немцы на него вышли – ветками лица поцарапали, гимнастёрку в трёх местах порвало.

Долго он там – в кустах – лежал: всё не верил, что жив остался. Боялся ногой-рукой пошевелить: а вдруг что оторвало? А когда решился, да из кустов назад выбрался, опять же долго на тропке стоял – смотрел, глазам не верил.

– Смешная, однако, история... – сам себе говорил.

После того осторожно, каждый сантиметр вокруг себя глазом обшаривая, чтобы вновь не встать куда не надо, карабин взял, книжку красноармейскую с донесением забрал – и на дорогу вернулся.

...В мае сорок пятого вручили Тимофею Конькову, который всю свою войну в вестовых у комбата провоевал, медаль «За боевые заслуги». Наверное, за то, что приказы выполнял точно и в срок. За то, что, наверное, жив остался.

Кстати, командир полка медаль вручал. Правда, другой уже. Того, который на жеребце любил покрасоваться, перед Одером убило. Вместе с жеребцом. Одним снарядом.

Да и комбата у Тимофея немцы тоже отмечали – два раза в санбате побывал. Не медали – три ордена на грудь заслужил.

А вот Конькова и пули и осколки миловали.

Про историю в лесу Тимофей никому не рассказывал. Хватило ума. Иначе всяко могло выйти. Особый отдел шуток не шутил. И долго хранил Тимофей свою тайну – аж до восьмидесяти девятого, когда его, ветерана на встречу к молодым ребятам, будущим строителям, в училище пригласили. Одному из них там и открылся, когда провожался уже...

Не сработала мина, на которую Тимофей Коньков в лесу встал. Вот не сработала, и всё! А то, что хлопнуло-рвануло – то немцы-разведчики бдительность потеряли, посмеялись над пацаном-красноармейцем, и другую мину не заметили. Сами наступили.

Такая история.

Смешная.

январь 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Пермская краевая общественная организация
Союза писателей России
Газета «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» зарегистрирована Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 59-0576 от 26.08.2011.

Главный редактор — В. В. Якушев
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. А. Богомолов — отдел прозы
В. Ф. Гладышев — отдел публицистики
А. Г. Гребнев — отдел поэзии
А. С. Зеленин — отдел детской литературы
Выпускающий редактор — А. С. Зеленин

АДРЕС РЕДАКЦИИ / ИЗДАТЕЛЯ:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя.
Телефоны: 8 (342) 212 14 97, 212 43 28.
E-mail: permsprossii@rambler.ru
Сайт: www.pisatel.perm.ru
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Все материалы принимаются в электронном виде.

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
«ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» № 4 (10), 2013 г.
Подписано в печать 14.11.2013. По графику: 16.00. Фактически: 16.00.
Газета отпечатана в ООО «Кунгурская типография»:
Пермский край, г. Кунгур, ул. Криулинская, 7.
Заказ № 6535. Тираж 2000 экз.
Газета распространяется бесплатно.